
ВЕРА ГАЛАКТИОНОВА

СОЗДАНИЕ НОВОЙ ЭЛИТЫ. ТВОРЧЕСТВО И ПОЛИТИКА

(беседа с Дмитрием Володихиным)

– Уважаемая Вера Григорьевна, Вы известны как один из ярких представителей почвеннического лагеря в русской литературе. Критики, выступающие от этого лагеря, пишут, что для писателя-почвенника высшей ценностью и главным предметом художественного исследования является русский народ. Так ли это для Вас?

– Для меня – да, это так. Но почвенник – и Мушни Ласуриа, создавший достойные произведения о другом народе, абхазском. Судьба родной земли для него также не пустой звук. Строго говоря, понятие почвенничества в той или иной мере применимо к литературе каждой страны мира, даже такой синтетической, как США. Творческих людей с национальным самосознанием можно отыскать и там. А на гидропонике сосредоточено не такое уж большое количество писателей. И литературный герой, который состоит в основном из голого своего “я” с набором потребностей, то удовлетворяемых, то неудовлетворяемых, выписывается сегодня, как правило, отнюдь не с мастерством Владимира Набокова. Однако это понимается многими как свидетельство восхождения писателя к общечеловеческим ценностям... Конечно, и такой беспочвенный герой может представлять определённый интерес – ну, скажем, как жертва политических технологий на современном этапе...

А за русскими почвенниками стоят судьбы целых поколений русских людей, хлебнувших лиха с избытком, и непростая история страны, как же можно отречься от этого? Собственное “я” художника здесь чаще всего отходит в сторону, но само древо рода (на-рода) – оно драгоценно. Ведь бури исторических событий столько раз пытались раскачать, согнуть, а то и выкорчевать его с корнями из родной земли как несознательное и мешающее прогрессу, а оно чудом, но выживает. И русский писатель несёт в своих генах и оживляет ту терпеливую боль уничтоженных ветвей, и краткую радость цветения – тоже. Да и что такое наш горемычный русский писатель? Он только *говорящий* листок, который это перекрученное дерево вдруг породило на каком-то своём отростке – особый листок, говорящий от имени всех безмолвных листьев; облетевших, истлевших – и зелёных, пытающихся жить по своей природе.

Мы – не сами по себе; за нами много невысказанного, пережитого народом и спрессованного молчанием предков. Задачи наши – иные, чем у рыночных писателей. Возможно, в силу этого обстоятельства спешно формируется ныне какой-то летучий отряд псевдопочвенников и литературных как бы национал-патриотов, которые бойко перенимают и фразеологию истинных, и внешние формы повествования, превращая последние в шаблоны. Иногда это получается весьма мастеровито у них, стремительно идущих на зелёный свет.

Но идейный заряд их произведений иной – прямо противоположный. И русский народ в таких произведениях предстаёт чаще всего лишь как глина, в которую вдохнуть дух предстоит кому-то из земных более совершенных людей, поскольку Творец этого не сделал...

“Почвенничество”, адаптированное к рынку и процессам глобализации, поощряется в последнее время и оплачивается неплохо. К счастью, критика у нас уже высоколобая, фальсификации она видит. Да и способ подмены сам по себе не нов, у нас в стране он даже закономерен. Если перестройка в театральном, допустим, искусстве носит куда как более явные признаки идеологической диверсии, отчего же подобному не быть и в литературе?

С другой стороны, многие требования, которые предъявляют сегодня к современному творчеству сановные представители патриотического направления, так сужают поле деятельности художников, что наносят тем самым отечественной литературе, отечественному искусству в целом едва ли не больший вред. В последние годы у нас установлены странные мерки: художественное повествование должно либо сливаться с документальным едва ли не полностью, либо слепо, бесконечно копировать то, что создано великими. В результате возник целый ряд бледных книг, очень правильных по идее, но художественно беспомощных. Ведь копия даже самого лучшего стиля всегда слабее оригинала... А вот реализм не застойный, развивающийся, обнаруживающий новые роскошные свои возможности, таких сановников пугает как крамола. Великолепная сокровищница приёмов, извлекаемая из фольклорных наследственных наших глубин, ими не опознаётся вовсе, от этого сановники шарахаются, как от чего-то психоделического: “Сложно, народ не поймёт”. Прямо беда какая-то... Плохо думают они о нашем народе, литература для недоумков ему не нужна.

Настоящего, глубинного понимания нового в литературе, каким обладал, скажем, поэт Юрий Кузнецов, среди руководящих официальных патриотов сегодня найти сложно. Совершенное исключение тут составляет Леонид Бородин. Остальные либо приглядываются с осторожностью к тому, что для них непривычно, либо отвергают любые попытки творческого поиска сразу: Россия-де погибла, литература соответственно – тоже, а значит, и развиваться нечему и незачем. Выжигают, вытаптывают литературное живое пространство не хуже идейных врагов все те, кто провозглашает: “Читать нечего. Ставить нечего. Экранизировать нечего...”. Увы, чаще всего это – результат невежества: либо по занятости, либо по надменной лени. Реже – по недомыслию, люди-то всё заслуженные... Так бывает накануне смены поколений.

– **Критик Владимир Бондаренко относит Вас к писателям-“одиночкам”. Как сами Вы относитесь к такому определению?**

– Имеет право. Все имеют право на своё мнение... Определение, вероятно, не лишено оснований. С моим самоощущением оно совпадает. Человек клана или политической партии не свободен от задач и требований данного клана или партии. Художник при этом частично теряет свою самостоятельность, ему не хватает пространства для обзора происходящего. Там надо отображать интересы искусственного пруда, а не интересы озера, моря, океана.

Но понятие литературного направления значительно шире кланового, оно не сужает творческого горизонта. И в лагере почвенников умещается очень много одиночек, вольных и невольных.

Почвеннический лагерь раздроблен сегодня, как никогда. Собственно, в нём одиночки – все, кроме тесной элитарной группы обеспеченных патриотических буржуа. Хотя дело выполняется общее.

– **В нашей патриотической среде нередко сталкивается мировидение людей, тяготеющих к советскому периоду, с мировидением тех, для кого ближе Святая Русь или императорская Россия. Как Вы для себя решили это противоречие?**

– Для меня противопоставлять один исторический период другому – всё равно что расчленять единое историческое тело на части. Одно с неизбежностью вытекает из предыдущего – таков ход событий. Если же говорить о предпочтениях, то правление Ивана III воспринимается мною как наиболее отрадное. А онемеченность рода Романовых представляется роковой для России. В этот период страна особенно напоминает динозавра – с огромным неповоротливым народным туловищем и крошечной онемеченной головой, панически боящейся туловища и потому, вольно или невольно, стремящейся ис-

тощать его настолько, чтобы оно, ослабленное, немного легче поддавалось управлению.

Сейчас идёт идеализация Романовых, поскольку германофильство ныне политически целесообразно, тогда как не самый блестящий боярский род когда-то пришёл к власти. Народ в России при Романовых всегда жил тяжело и крайне подневольно. Его без числа укладывали в болота, под строящийся Санкт-Петербург, и бироновщина никого не щадила. Пропасть между нищенствующим на огромных просторах народом и блестящим царским двором, где даже говорили не по-русски, была чудовищна.

А церковный раскол XVII века, совершенно искусственный, привнесённый извне? (Не все русские люди смогли тогда принять исправления своих богослужебных книг по книгам греческим, но отпечатанным в иезуитских типографиях Венеции и Парижа. Не все сумели подчиниться церковной реформе, осуществляемой таким религиозным деятелем, как Арсений Грек, получивший образование в Риме, у латинских иезуитов и, по некоторым источникам, “подвергшийся обрезанию”. Не все сочли возможным отказаться от постановлений Стоглавого Собора Всех русских святых...) Этот раскол вверх в полное бесправие и уничтожал затем целые пласты русского народа, верного старой традиции, на протяжении веков, вплоть до 1905 года. Кровавая у нас история. В эту развилку раскола без особого труда вошли мистические, антихристианские учения Запада, весьма почитаемые при дворе. Их следствие – революция 1917 года... Я уж не говорю о секуляризации церковного имущества при Екатерине II с её “просвещённым абсолютизмом”, разорвавшим монастыри, о синодальном периоде, оставившем Россию без патриаршества вплоть до самой Октябрьской революции... Экзальтированному сегодняшнему обожествлению царской династии совсем не мешает и тот факт, что монарх Александр I впервые прочёл святое Евангелие лишь на двенадцатом году своего пребывания на троне... Нет, где экзальтация, там трезвых оценок бывает мало.

Но три великих духовных подвига были совершены в правление Романовых. Первый подвиг – старообрядческий, сохранивший православие в незыблемой, дораскольной, церковной чистоте. (Ошибочно или намеренно к старообрядчеству относят многие секты, преданные анафеме самими же церковными старообрядцами – поповцами.) Второй подвиг – новообрядческий, невероятными усилиями удерживающий русскую однокрылую церковь от униатства (с последующим переводом в католичество) на протяжении, опять же, веков. Это – недооценённый, великий и тяжёлый подвиг послереформенного духовенства, отказавшегося после XVII века делать следующие шаги в сторону насильственной европеизации России... Третий же – подвиг царской семьи: имевшая возможность уцелеть семья Николая II принесла себя в жертву без остатка. Иными же словами, династия сама положила голову на плаху, разрешая тем самым роковой и вполне понимаемый затянувшийся антагонизм между правящей онемеченной верхушкой и огромным народом, уставшим от многовекового бесправия. Это – высочайшая жертва. Она ужаснула внезапно освободившийся и растерявшийся народ. Но воспользовались жертвой малочисленные откровенные, яростные палачи его, свершившие цареубийство. Я говорю о большевиках.

А уж перестройку вершили внуки большевиков, столь же свирепые, сколь и деды, в тех же самых традициях своекорыстного разрушения *слишком* больших империй... Но краткая мощь Советского Союза, вышедшего из массовых репрессий, уничтожавших, стремившихся измотать и обессилить всё то же огромное народное туловище, эта краткая мощь новой державы была прекрасна. И наивно полагать, что положительный опыт Советской державы никогда уж не будет востребован человечеством. А ведь всё начиналось с утопического социализма, слабенькие колонии которого существовали в истории лишь краткое время.

Главный же опыт рухнувшей Советской державы опроверг марксизм в самой основополагающей его части – общество социальной справедливости в безбожном состоянии невозможно. Но будущая устойчивая Держава благоденствия – это такая держава, которая будет способна вобрать в себя всё лучшее от Святой, едино верующей Руси и Советского периода, накопившего опыт относительного социального равенства всех народов, с полным правом каждого на своё вероисповедание. Примерно так...

– **Насколько близок для Вас монархический идеал? Считаете ли Вы, что он ещё реализуется в русском будущем?**

– Идеал-то близок: империя – более крепкое образование, чем союз республик. Да вот пути претворения идеала в жизнь вызывают слишком большое количество вопросов. Первый путь, скорее всего, таков: “Общероссийская национальная идея” по Чубайсу введёт на трон “кирилловичей”. Осуществится сращивание лидеров демократии с царской семьёй. Могут ли стать “кирилловичи” защитниками и радетелями всех, обобранных реформами по Гайдару и тому же Чубайсу? Пагубность этого пути для России очевидна. Сколько можно укреплять олигархию в ущерб народу?

Более того, волнений в обществе при этом не избежать. Если говорить о царской династии, то зарубежные сегодняшние Романовы ещё дальше отстоят от народных интересов, чем дореволюционные. И зачем опять сажать на шею народа чужеземцев-западников? Такие тревожные вопросы уже задают себе многие в обществе, а потому идут на опережение: провозглашают поскорее “своих” царей (Александра IV в Петербурге, Николая III в Подмосковье), число которых, в знак протеста против “кирилловичей”, видимо, будет расти. А это – всё новые и новые в будущем расколы...

Но, допустим, многолетние труды идеологов современного монархического движения России увенчались успехом. Допустим, снята присяга 1613 года, обрекавшая нас на верность всем Романовым без разбора, и царь истинный, из народа, вот-вот будет избран и венчан на царство официально, по народному волеизъявлению. Наши монархисты ожидают, что Всероссийским Земским Собором. Но не зря же создавался Всемирный Русский Народный Собор. Он уже более-менее предсказуем в своих действиях и хорошо управляет Русской Православной Церковью. А потому и выборы более-менее предсказуемы: на трон, скорее всего, будет приглашён православный Владимир Путин как единственный гарант стабильности. То есть курс страны останется таким, каков он сейчас. Выстраивание международных политических противовесов обеспечит России мир: нас не будут бомбить, как Сербию. А многомиллионной армии бедняков политика мелких компенсаций обеспечит полуголодную, но – жизнь, на фоне оголтелой олигархической роскоши. То есть праведные монархисты, мечтающие о процветании **всей** России, а не только кучки капиталистов, своей цели не достигнут и здесь. Им ничего не останется, как успокоиться на том, что освящённая власть лучше власти неосвящённой.

– **Насколько важен для Вас, как писателя, христианский элемент в творчестве?**

– Творчество у нас отражает Россию, с тою или иной долей мастерства. А России без православия не бывает.

– **До какой степени, по-Вашему, культура и особенно литература современной России смогли впитать в себя православный взгляд на мир со времён распада СССР?**

– Здесь продвижение чудесное. Казалось бы, всё понятно: перестройка готовила болезненное расчленение Союза, чреватое большим народным сопротивлением. Для масс, управляемых коммунистической идеологией, спешно требовалась иная – идеология *послушания любой власти*, идущей на смену прежней. И тут политическим реформаторам (чаще всего – атеистам и циникам) потребовалась вдруг религия: спешно открывающиеся церкви по всей стране должны были как можно быстрее привести народ в состояние раскаяния, смирения, **непротивления** грядущему слову.

Помните ли, как всем настойчиво внушался комплекс вины? От внуков тех, кого уничтожила большевистская революция и большевистская коллективизация, требовали особенного, всенародного покаяния в грехе... отступничества, приведшему к царевубийству. (С таким же правом наш народ можно было призвать к раскаянию в убийстве императора Павла.) А среди духовной литературы, выплеснувшейся на прилавки, преобладала предназначенная для становления монашества на ранних его этапах – та, которая формировала раба Божия (то есть ещё – не воина Христова). Такая литература изымала человека из реальных событий, затворяла его, погружала в созерцание собственной греховности, иными же словами – изолировала от деятельного участия в жизни страны, уже приговорённой к разрушению. Церковь же, получившая неожиданные свободы, не в единый миг могла пре-

доставить верующим опыт проживания в сложном современном мире, а не в изоляции (монастыре)...

Однако открывающиеся храмы, словно сами по себе, привлекли вдруг в православие большое количество детей. Да, во времена распада СССР дети родителей-атеистов сами шли в Церковь, принимали крещение и воцерковлялись самым серьёзным образом, без всякого наущения извне. Это явление было массовым – когда малыши приводили в Церковь креститься своих колеблющихся родителей. И этому поколению будет многое открыто по-настоящему и в творчестве Достоевского, Лескова, и в живописи Нестерова, Александра Иванова, Крамского. Чудесное это продвижение сомкнуло вдруг культурное пространство, разомкнутое советским временем. Именно этим бывшим детям, крещённым по побуждению, уже доступны сегодня страницы “Добролюбия”, примеры жизненного пути Флоренского, Ильина, Константина Леонтьева. Они-то и дойдут до сборника статей о русской революции “Из глубины” и сделают из этого уже практические свои выводы. А это – совсем иной, гораздо более высокий уровень понимания всего происходящего, созданного, сочинённого – и сочиняемого сегодня. Начнёт, начнёт восстанавливаться шкала ценностей в литературе и философии, смею надеяться.

– Ваши герои – люди деятельные, в отличие от множества страдающих мечтателей, спившихся “жертв системы” и т. д. По всей видимости, Вы видите благо в активной борьбе за права своего народа, за добрую перспективу для России. Но способна ли к этому современная политическая элита?

– Она очень несамостоятельна и в основном сформирована на лакействе. Её “чего изволите-с?” обращено отнюдь не к народу. Современная политическая элита создана олигархическим капиталом, и обслуживает она – его, а не страну. Это не значит, что там нет народников-одиночек. Но среда либо обкатывает их под себя, либо уничтожает, или выкидывает вон.

Попытки создания новой элиты уже видны. К сожалению, эта, новая, набирается из лицедеёв. Вверх бойко продвигаются люди, умеющие изображать из себя поборников народных интересов – и только. Их никто не выращивал, они образовались сами, на наших глазах – такие непринуждённые, бойкие патриоты своего кармана.

Лицедеи будут поопаснее лакеёв. Лакей живёт больше страхом, чем корыстью. Лицедей же – одной голый корыстью, без всякого страха.

Но... поживём – увидим.

– Какого будущего Вы хотели бы пожелать нашей стране?

– Осмысленного. Советский Союз распался во многом из-за отрицательно отбора кадров: чем тупее подчинённый, тем начальнику было спокойней – этот – не конкурент... И именно тут начальник как раз и ошибался: гораздо более худший неизменно съедал менее худшего. И брал уж к себе на работу полное ничтожество, которым и съедался в свою очередь...

Не проигрывает такое общество, которое делает ставку на талантливых людей. И не просто на талантливых (гимнастов, певцов и танцоров), а на мыслителей, воспламенённых любовью к России. Да ведь талантливые-то мыслители – не продажны. А рынку с такими сложно. Рыночная политика умеет работать с теми, кто продаётся. Но тот, кто продаётся, тот и покупается. Сегодня одним, а завтра – другим. В современной идеологии будет действовать рыночный механизм: заказ – деньги – заказ, а искреннее служение Отечеству окажется вытесненным дельцами на обочину жизни.

Под талантливых мыслителей с национальным самосознанием нужно иное устройство государства – при теперешнем необходимые государству таланты не смогут принести пользу, они окажутся заблокированными... Нужно не слепое копирование капитализма со всею его гнилью (бедностью, педофилией, проституцией, наркоманией), а тот самый третий путь, аналогов которому в мире ещё нет...

Но собрать истинные таланты могут лишь гении. Освящённые гении. Другим это не под силу.